

С.В. Чечелев*

Правовое регулирование подсудности российских подданных в Китае в XVIII–XIX вв.

АННОТАЦИЯ: Статья рассматривает вопросы определения подсудности участников российско-китайских отношений в XVIII–XIX вв. — начиная с Кяхтинского договора и заканчивая договорами конца XIX в., связанными со строительством КВЖД и созданием полосы отчуждения — территории с особым правовым режимом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кяхтинский договор, Тяньцзиньский договор, Общество КВЖД, китайский Туркестан, судоустройство.

Впервые проблема подсудности дел, где сторонами были подданные различных государств, в отношениях России и Китая остро встает, начиная с момента активной экспансии России в дела Китая. Такой отправной точкой можно считать Айгунский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) договоры между обеими странами. Однако и до этого момента Россия имела контакты со своим восточным соседом, в частности, вела довольно активную пограничную торговлю с Поднебесной (через Кяхту) и рассматриваемый нами вопрос занимал тогда своё место в отношениях двух стран. Ещё в одном из первых межгосударственных договоров — так называемом Кяхтинском договоре о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем от 21 октября 1727 г. помимо прочих моментов, в п. 6 определялась подсудность нарушителей данного договора и лиц, совершивших разного рода преступления. В частности, указывалось, что если кто-либо из курьеров изберёт для своего пути иную дорогу, кроме как проходящую через Кяхту, то российские «градские управители и коменданты

---

* Чечелев Станислав Викторович, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия; E-mail: omchechelev@rambler.ru

и китайские пограничные ханы» по выяснению сути вопроса путём взаимной переписки каждый должен был наказать своего соотечественника за совершение данного правонарушения [1, с. 45]. Ст. 8 того же договора определяла, что «пограничные обеих империй управители имеют непродолжительно по правде каждое дело решать». В случае же «замедления» с совершением правосудия «за свою партикулярную корысть», то такое дело должны были решать иные уполномоченные должностные лица в отношении своих подданных на основе своих законов.

Некоторую конкретизацию этих положений содержит дополнительная статья (№ 10) к Кяхтинскому договору 1727 г. от 18 октября 1768 г. Там меры ответственности подданных двух стран прописывались более подробно. В частности, указывалось, что «всяких преступников наказывать каждой стороне по своему обыкновению: человека срединного государства плетью, а российского — палкой» (ст. 55). Договор 1792 г. о порядке торговли через Кяхту в отношении правонарушителей следовал нормам договора 1727 г. и предусматривал выдачу преступника для суда и наказания той стороне, чьим подданным он являлся (ст. 57).

Однако немногочисленные нормы международных договоров с Китаем (в т.ч. и Чугучакского, о чём пойдёт речь ниже) не могли разрешить всех противоречий и спорных моментов, возникавших в отношениях между русскими и китайскими подданными, а также находящимися в Китае гражданами третьих стран и русскими.

Безусловно, действуя строго в правовом поле необходимо было соблюдать нормы так называемого консульского права — сложного конгломерата различных по своей юридической природе постановлений, регулировавших в том числе вопросы ответственности лиц, пребывающих на территории определённой страны, но имеющих иное гражданство (подданство). Однако на рубеже XIX–XX вв., когда Российская империя занялась активной экономической, политической территориальной и пр. экспансией в Китай, выяснилась неполнота данной подотрасли права. Так, в рецензии, помещённой в «Журнале Министерства Юстиции» за 1903 г. на недавно вышедшее «Руководство для консулов» С.М. Торянкова, обращалось внимание читателей на «скудность и бессистемность постановления нашего более чем устаревшего консульского устава», который «по многим весьма существенным вопросам совершенно неудовлетворителен» [2, с. 371]. Особенно актуальной эта оценка представлялась, как автору «Руководства», так и журнальной на него рецензии, для консульских агентов на Востоке, в том числе и в Китае. По их согласному мнению, в данном вопросе, в деятельности российских консулов в этом регионе, «всё, очевидно, основывается на практике».

Нам представляется возможным согласиться с этой точкой зрения. Более того, некоторые из этих сложившихся на практике обыкновений находились в противоречии как с действующим правом, так и с существовавшей на тот момент общей международной практикой деятельности консульских судов.

Впоследствии, в период активного обустройства арендованных территорий эта практика стала объектом многочисленных споров и дискуссий между представителями различных ведомств. В них, как правило, министерство юстиции отстаивало букву и дух закона, а представители ряда других ведомств (военного, финансового, иностранных дел) выступали с точки зрения целесообразности, пользы и выгоды как интересам России в целом (в их понимании), так и чисто ведомственных интересов.

Впервые о консульской юрисдикции в современном понимании этого термина в отношении Китая речь шла в так называемом Кульджинском трактате 25 июля 1851 г.

Данный договор регулировал торговые отношения между российскими и китайскими подданными в китайском Туркестане (Кульдже и Чугучаке). Его заключение явилось следствием успешной военно-политической экспансии России в Средней Азии. После вхождения Старшего Жуза в состав Российской империи, владения последней в середине XIX в. оказались довольно далеко продвинуты в пределы Центральной Азии и теперь непосредственно граничили с западной частью Цинской империи (так называемым китайским Туркестаном). Для защиты интересов российских купцов в вышеуказанных городах открывались российские консульства (ст. 2 договора Кульджинского трактата 1851 г.). Судебное разбирательство между представителями разных государств по так называемым «маловажным делам» должны были совместно осуществлять российский консул и китайский чиновник из Илийского главного управления (ст. 6). Иные «более важные» дела указывалось решать на основании Нерчинского трактата 1727 г.

Консульские учреждения в остальной части Китая возникли уже на основании вышеупомянутых Тяньцзиньского (Айгунского) (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров. В частности, ст. 7 Тяньцзиньского договора устанавливала, что разбирательство всякого дела между русскими и китайскими подданными в местах, открытых для торговли, должно производиться китайским начальством совместно с русским консулом или иным лицом, представляющим власть русского правительства. В случае совершения виновным лицом (российским подданным) тяжкого уголовного преступления, данное лицо подлежало депортации в пределы Российской империи для суда соответствующими

судами внутри империи. К преступлениям такой категории, в частности, относились убийства, грабежи, нанесение тяжких телесных повреждений, покушение на убийство, умышленный поджог и т.д. В случае же, если русский подданный совершал преступление в ином месте (так называемой «внутренней части» Китая), то по его задержании он должен был быть препровождён к ближайшему консулу или на границу для суда и наказания по российским законам (ст. 7).

Таким образом, Российские консулы в Китае помимо судебных обязанностей получали ещё и обязанность проведения соответствующих следственных мероприятий.

Однако современниками отмечалось, что «совершение вообще каких-либо следственных действий в пределах Китая сопряжено с весьма значительными затруднениями» [3, с. 37]. В частности, как утверждалось, «китайские власти смотрят на допрос своих подданных как на нечто унижающее достоинство китайца и ввиду этого под разными предлогами уклоняются от содействия в подобных случаях». В своё время в связи с этим обстоятельством министерство иностранных дел в своём отношении от 8 июля 1888 г. предписало своим консулам в Китае «ввиду возникновения на практике затруднений в удовлетворении российским консулам в Китае требований российских судебных властей о допросе лиц, проживающих в Китае, консулы должны исполнять указанные требования насколько позволяют местные условия...». Причём, в случае, когда разыскиваемое лицо проживало не в пределах непосредственного нахождения консульства, предписывалось его розыск осуществлять в обычном дипломатическом порядке — через министерство иностранных дел, российское посольство и т.д. [3, с. 36].

Впоследствии эти положения вошли в Свод Законов Российской империи в качестве ст. 4, 190–193 Устава Консульской службы и ст. 175 (пр. 2, 3) Уложения о Наказаниях (издания 1893 г.).

Некоторые вопросы, связанные с консульской юрисдикцией были решены в ходе деятельности в 1880-х гг. особого совещания под председательством министра иностранных дел. Данное совещание проводилось в связи с открытием в китайском Туркестане (в городах Чугучаке, Кульдже и Кашгаре) российских консульств, и на нём активно обсуждались вопросы консульской юрисдикции. Высочайше утверждённый протокол совещания стал ещё одним правовым источником для определения консульской юрисдикции в Китае [3, с. 32].

Помимо консульской юрисдикции вопросами правовой ответственности российских подданных в Китае занимались и так называемые смешанные суды, существовавшие в западном Китае. Правовой основой их существования был договор от 5 марта 1883 г. о разбирательстве тяжб по закону шариата между живущими в Чугучаке

мусульманами — подданными России и Китая, так как большинство российских купцов, ведущих торговлю в Китайском Туркестане, были жителями Средней Азии и, следовательно, мусульманами. В то же время и основное население Северо-Западного Китая также составляли народы, исповедующие ислам. Поэтому возможно было разбирательство возможных споров между ними на основе норм религиозного права — шариата. Для этих целей они выбирали особых посредников. Причём, посредников избранных российскими купцами, утверждал российский консул в Чугучаке, а китайскими купцами — так называемый люгалдай (так в тексте договора). Согласно ст. 2 договора, дела между российскими мусульманами в Китае должны были разбираться избранным ими посредником, а между китайскими мусульманами — своим посредником. В случае если стороны являлись подданными разных государств, то разбор дела осуществлялся обоими посредниками совместно. Разбор дел такими «судами» происходил только с разрешения, соответственно, консула и люгалдая. В случае, если обе стороны не пришли к согласию, то они поступали на совместное рассмотрение люгалдая и консула (ст. 4).

Вопрос о возможности использовании опыта деятельности таких судов встал во время заключения договора о концессии на строительство КВЖД. Тогда одной из остро вставших перед российскими властями и концессионерами проблем была нехватка консульских агентов в зоне отчуждения КВЖД. Однако скоро выяснилось, что этот опыт нельзя было напрямую перенести на северо-восточный Китай хотя бы в силу того, что обе стороны не могли руководствоваться нормами единого религиозного права. Но идея создания смешанных судов для разбирательства малозначимых и несложных для расследования дел была, несомненно, перенята российскими представителями в Манчжурии из туркестанского опыта.

Те дела, в которых обе стороны являлись китайскими подданными, разбирались судами Цинской империи на основании своих внутренних законов. Представляется, что как объём данной работы, так и её цели и задачи не позволяют нам касаться такой сложной темы, как правовая система Китая в конце XIX — начале XX вв. Заметим лишь, что к главным особенностям судебной системы Поднебесной можно отнести неотделённость суда от администрации, инквизиционный характер процесса, наличие объективного вменения, круговой поруки, отсутствие презумпции невиновности и т.д. В китайских судах приговор должен был быть обязательно основан на собственных показаниях обвиняемого. Причём попытка как средство получения признания применялась не только к обвиняемому, но и к другим лицам, участвующим в деле. Обычным для китайского суда

был и арест родственников обвиняемого в качестве своеобразной меры обеспечения и средства давления.

К особенностям судебной системы Маньчжурии можно отнести наличие двух видов судов, в зависимости от этнической принадлежности жителей. Для китайцев существовал суд дифаньгуаня, а для маньчжур — хэбэйамбаня. Существовали в Маньчжурии и специальные комиссии для разбирательства дел между русскими и китайскими подданными, но они, как это исторически сложилось, разбирали дела только между маньчжурами и инородцами (коренным населением Дальнего Востока — юкагирами, нанайцами и т.д.). В состав последних входили: председатель суда, бии (народные судьи), писец (секретарь) и переводчики с маньчжурского и местных языков [3, с. 46].

Вся эта сложившаяся практика была учтена на следующем этапе российско-китайских отношений, связанном со строительством КВЖД и созданием так называемой «полосы отчуждения».

В Высочайше утверждённом уставе Общества КВЖД от 4 декабря 1896 г. содержалось положение (№ 7), согласно которому преступления, тяжбы и проступки на территории КВЖД должны были разрешаться местными властями: китайскими и русскими, на основании существующих трактатов¹.

Однако быстро выявилась недостаточность одной лишь данной правовой нормы для урегулирования проблем подсудности. Дальнейшее развитие законодательства по этому вопросу выходит за рамки данной статьи.

Литература

1. Русско-Китайские договорно-правовые акты 1689–1916 / под ред. В.С. Мясникова. М., 2004.
2. Шалланд Л. «Руководство для консулов» С.М. Горяנקова // Журнал Министерства Юстиции. 1903. № 3.
3. Юрисдикция русского консула в Западном Китае и судебная деятельность Чугучакского консульства // Журнал Министерства Юстиции. 1898. № 3.

S. V. Chechelev*

Legal regulation of *locus standi* of Russian subjects in China in XVIII–XIX cc.

ABSTRACT: The article analyzes the history of Russian–Chinese relations in XVIII–XIX centuries in the area of court jurisdiction. In XVIII c.

---

¹ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 482, л. 3.

both countries had in place only trade relations and court jurisdiction covered only matters relating to traders. In the XIX c. international treaties on court jurisdiction covered as well Russian Muslims in Chinese Turkestan.

KEYWORDS: treaty of Kyahta, Tianjin treaty, Society of Chinese Eastern Railway (CER), Chinese Turkestan, *locus standi*, court jurisdiction.

* Chechelev Stanislav Viktorovich, PhD in Legal Science, Omsk State University, Omsk, Russia; E-mail: omchechelev@rambler.ru